

Содержание

Роль сказки в жизни человека (вступление)	8
Ребятчья сказка	14
На пороге	20
Где твоя сила, идол?	24
Богатырище	26
Помоги, Сварог, людям	28
Чей я сын	32
У развилки	37
Будет ли солнышко?	43
Славка	49
Меч	53
Тешься, княжич	57
Разные боги	61
Нет такой песни	64
Нелюди	70
Подснежник	72
Славутино наследство	77
Дорога	80
Потому что он – змей	83
Боженята	85
Раскат.....	92
Земля	94
Где наш Ярило?	100
Ну, играй	102
Летава	104
Подарок	107
Что ж ты сплеховал?	112
Смех	116
Соколик	121

Родичи	123
Купало	128
Тележка	134
Ярмарки	140
Род	158
Лада	164
Звон	169
Спасибо Макоши	172
Играют дети	174
Живая вода	178
Разве то беда?	181
Пламя	194
Овсень	198
Буря	204
Море	210
Бабушка	216
Отрочья сказка	222
О воине	227
О другом воине	229
Относительность	230
Отцовское наставление	232
Упырь	233
Тот свет	234
Порядок	235
Лучший воин	236
Ротник	237
Собаки	239
Дорогая сабля	240
Работники	241
Птица	242

Заграничная мудрость	243
Колдун.....	246
Вор	247
Честь	248
Храм	250
Божий суд.....	253
Князь	255
Рай	257
Царь-птица	260
Поп Константин	261
Друг	265
Взрослая сказка	267
Прежняя вера	270
Стальное сердце	274
Чай (рассказ слесаря)	288
Позови его	291
Цикл «Капище»	295
Стрибожья семья	296
Велес	297
Морана	298
Леля	299
Огонь	300
Перун	302
Мокошь.....	303
Яга	304
Ящер	305
Лада	306
Ярило	307
Род.....	308
Чернобог	309

Летница-Додола	310
Дзевана	311
Даждьбог и Зори	312
Семаргл	313
Семаргл	313
Купало	314
Жива	315
Сварожья кузница	316
Земля	318
Перед Крещением (пьеса)	320
Боги (мини-пьеса)	327
Камень	332
... Сети ткнут пауки колдуна	333
... Говорят «Надо выйти из грёз»	333
... Словно в сказке той издревле-старой	334
Проклятый певец	335
Волчья церковь	337
Обернуться волком	338
Хранящие Свет	339
Солнцестояние	340
Колыбельная	341
Киевский гром	342
Что-то стронулось, что-то сдвинулось	343
Святослав	344
... Пускай толпою взяли за грудки	345
Колыбельная для Дарислава	346
... Я искал свой цвет меж прочих	347
Загадки	348
997 год	350
989 год. Киев	351

990 год. Новгород.....	352
Олег	353
Чума	354
...Добавляет седин стылый ветер осенний	355
Песня пути (Ридерсага)	356
...Камни. Камни. Камни. Камни	357
...Чуешь рядом	358
Дикая охота	360
Солнцеворот	362
Братья	363
Рязанская колыбельная	365
После боя... ..	367
Велешские причитания	368
...Каждый поток зачинался ручьем	370
Чернобожье	372
Сага	374
Боян	377
Там, где волн чешуя изгоняет из сердца посланца беды ..	378
Заклятие посвящения в воины	379
Заклятие на посвящение в баюны	381
Заговор княжича.....	383
Савроматы	385
Святогор	387
...Тридцать три замка	389
Притча о знахарской чаше	393
Патриотизм	395
О некоторых волхвах-вах-вах и их чудесах	396
...Опоздал я родиться-придти	399
На плечах великанов (послесловие)	400
Список источников	405

**Роль сказки
в жизни человека
(вступление)**

Вам, читатель, очень повезло, если в детстве вашей няней был живой человек, а не телевизор, перед которым любят оставлять своих малышей «занятые» родители. Возможно, вы вспомните, что, когда закончился период колыбельных песен, на ночь вам рассказывали сказки. Перейдя из детства в юность, наверняка, вы стали относиться к этому виду творчества, как к своеобразным «побрехушкам» которые пригодны «лишь для малышни», а вместо основы имеют принцип «верти языком как хочешь, лишь бы дитя не плакало». Став «взрослым» человеком, вряд ли вы воспримете сказку иначе, и вспомните о ней лишь тогда, когда выход во двор приравнивается к дальнему походу, а забавные внучата, глядя на вас светлыми глазенками, попросят рассказать им что-нибудь. Всплывут в памяти самые простые сюжеты, что-то найдется в старых книжках на антресолях, но многое придется выдумывать самому.

В нынешнее время, особо «продвинутые» родители предпочитают пичкать ребенка рассказами про модных «кендерменов», считая, что сказки про Иванов-царевичей и колобков несерьезны – не захватывают «экшеном», не учат драгоценному эгоцентризму, не прививают «деловую хватку». Впоследствии новомодные супергерои и мутанты аукиваются таким родителям по печени, когда в темном подъезде не находится «закурить» или «семок».

Намеренное занижение роли сказки в нашей жизни – серьезный ущерб в воспитании детей. А ведь именно детям предстоит стать взрослыми и сменить нас. Кстати, даже этот момент старается донести до нас сказочный сюжет: царь

спросил мужика, на что идет его урожай, а тот ответил, что делит на три части – сам кормится, в долг дает и долги отдает. А когда властелин потребовал разъяснить, мужик ответил: одной долей он кормит себя, второй – престарелых родителей, отдавая им долг, а третья часть урожая идет на детей, в расчете на их помощь, когда они повзрослеют, а он – состарится.

В древности сказка была не просто досужим враньем, призванным развлечь молодежь. Все сюжеты были строго отсортированы, передавались из поколения в поколение с тех языческих времен, когда человек еще менял землянки на избы. А некоторые из сказок можно отследить чуть ли не до пещер первобытных охотников. Сказка передавала опыт поколений. Сказка давала примеры для подражания и осуждения. Сказкой расставлялись жизненные приоритеты. И дети, в силу своего восприятия не стесненные в вере и фантазии, примеряли сказки на себя. Они хотели быть сильными богатырями, которые побеждают врагов, оборотистыми купцами, любящими родителями, умными мужичками, способными розыгрышем наказать барский произвол. Дети учились любить родину, быть храбрыми и честными, жертвовать малым в борьбе за великое и верить, что добро и зло получают в конце причитающееся им воздаяние. Восхищаясь непокорным, но добрым Ильей Муромцем, дети презирали хвастуна и взяточника Чурило Пленковича. Жалея непослушного петушка, осуждали укравшую его беспринципную лису. Плача над преданным братьями Иваном – облегченно вздыхали, когда изменников в конце казнили. Рудименты этого воспитания, скорее всего, получали и вы. Хотя бы в

виде попытки родителя объяснить ребенку на примере ко- лобка, что нельзя сбегать из-под присмотра и, тем более, об- щаться с незнакомыми людьми.

Сложно переоценить и практический опыт сказки. Ведь именно на основе сюжета о говорящих зверях-помощниках человек равно приобретал представления об использовании животного мира и предельно уважительном к нему отноше- нии. Сюжеты с волшебными предметами – самобранками, кладенцами, самогудами, рассчитаны как на своеобразную прививку профессиональных навыков (меч нужен для войны, скатерть для праздничного пира и т.п.), так и на трепетное отношение к вещам, к людям, создавшим эти вещи.

В языческие времена эти сюжеты являлись следствием анимизма (веры в равную с человеком одухотворенность мира) и фетишизма (уверенности в исключительно пра- вильном и полезном применении предмета). В современной культуре от этого отмахнулись как от «глупых суеверий» и «детских сказок». А в итоге мы имеем сотни вымерших по вине человека уникальных видов животных (вроде тура и стеллеровой коровы), масштабные катастрофы на Фукусиме и в Мексиканском заливе. А еще искаженный фетишизм превратился в вещизм - нелепое желание приобрести наи- более модный или наиболее новый предмет, и это явление заставляет людей забывать более достойные начинания, а за- одно – и само предназначение искомой вещи.

Александр Наумович Джуринский (автор более 20 моно- графий, книг и учебников по педагогике) отмечал, что древнее общество делилось на касты (сословия по профессионально-

му признаку). Как правило, деление шло на военно-аристократическую, духовно-жреческую, ремесленно-аграрную, торговую и рабскую (в ряде других обществ ее заменяла либо каста «неприкасаемых», как в Индии, либо обычное уличное отребье. При этом он высказал весьма здравое предположение) относительно разных приоритетов укаждой соцпрослойки и обосновал теорию о том, что каждая из каст имела собственные сказания, призванные передавать особенности своего сообщества новым поколениям. Воины-аристократы учили детей боевой доблести и политике, торговцы – оборотистости и хитрости, жрецы учили находить первопричины различных явлений в мире, аграрии и ремесленники – правильно трудиться, но быть готовыми остановить врага оружием, а произвол – хитростью.

А вот в прослойке отребья сказки, в большинстве своем, сводились на похабщину. Немногие уцелевшие легенды утверждали, что обмануть, украсть или подставить – вполне правильно. Лишь бы хорошо было. Известный принцип преступной круговой поруки «живи и давай жить другим» паразитировал на народном творчестве.

Именно по этой причине многие сборники выглядят хаотично: этнографы, собиравшие сказки по забытым деревням, сделали достойное дело, сохранив опыт наших предков, но им и в голову не приходило рассортировать его. Все на что их хватило – выделить из фольклора анекдот, былинку и притчу. Дальше того не продвинулось.

Зачастую, многие литераторы брали народный сюжет и вносили в него коррективы согласно текущей эпохе, чита-

тельскому восприятию и собственному разумению. Иногда это было в ущерб воспитательной составляющей (когда искажалась мораль), но часто улучшалось восприятие древнего сказания современным человеком.

Изучая фольклор славянских народов, я рискнул пойти по стезе авторской сказки. Моральную составляющую я старался сохранить и подчеркнуть, мировосприятие – передать максимально точно и живо. Практически все мои сказки содержат сюжеты, взятые из поверий, народных сказаний, праздников, сохранивших и поныне яркие элементы язычества. Я не оригинален в этой области. Первым эту дорогу прошел А. Н. Афанасьев в 19 веке. Сумев показать языческое мировоззрение русской сказки обществу, находящемуся под игом клерикально-мракобесного паразита, он, стараниями церковников, лишился всех должностей и умер в нищете. Моими предшественниками были и Николай Сладков, и Виталий Бианки (изучение творчества которых в мое время считалось нормой в младших классах). Но своим непосредственным наставником я считаю Алексея Ремизова, чьи сказки мне попались в детстве много раньше (к счастью) неоязыческого ширпотреба различной степени усваиваемости. Именно памяти этого замечательного человека я и посвящаю свой труд.

*Лифантьев С.С. (Скрытимир из рода Волка)
(21.09.2011)*

Ребячья сказка

Период детства у древних славян условно подразделялся на три этапа. Первый из них начинался с рождения ребенка и заканчивался в год-полтора. Все это время ребенок представлял единое целое с матерью: питался ее молоком, нуждался в ее заботе, перенимал от нее мировосприятие. В сознание ребенка через песни, игры и прибаутки закладывались простые определения и их связи: ласка – хорошо, свет – видно, ночь – спать, колыбель – домик, крыша – защита, печь – тепло, кошка – ласка, щенок – игра. В этот период формируются вкусы и пристрастия ребенка, появляются первые попытки двухстороннего контакта с окружающими людьми. Заканчивался этот этап детства с первыми шагами ребенка, со сменой зыбки на иное место отдыха (лавку или полати), с отлучением его от груди. Последнее часто сопровождалось полу-игрой полу-обрядом шуточного отпугивания чада: грудь мазалась сажеей и демонстрировалась ребенку при каждом его капризе с пояснением – «съели». С года или полутора лет ребенок должен уже учиться самостоятельной жизни, воспринимать себя как личность. И, если во время бытия грудничком, он познавал окружающее на основе сигналов от органов чувств, на примерах домашних и эмоциональной составляющей песен и игр, то теперь пробует изучать мир через отвлеченные понятия, через анализ реальной и воображаемой модели. И именно с этого этапа до самого конца детства становится необходима детская сказка.

Основные ее отличия:

1) Простой линейный сюжет;

2) Жестко расставленные приоритеты и их неизменность по ходу сюжета (взаимопомощь, любовь, доблесть и трудолюбие все время сказки остаются ПРАВИЛЬНЫМИ чертами, не становясь относительными и не исчезая у главного героя, точно так же, как и отрицательные черты антигероя не называются правильными и не переименовываются положительными персонажами);

3) Фиксированная роль положительных и отрицательных персонажей;

4) Абсолютный анимизм и максимальное очеловечивание всех проявлений живой и неживой природы;

5) Невербальная составляющая не ограничивается воздействием только на положительные чувства, но нагнетание обстановки минимально, а финал практически всегда «счастливый»;

6) Из сюжета не убираются негативные стороны, с которыми ребенку предстоит столкнуться в жизни, а потому необходимо проанализировать уже в нежном возрасте – страх, жадность, шантаж, запугивание, пренебрежение, обман, смерть. Но, параллельно с ними ОБЯЗАТЕЛЬНО указываются способы преодолеть вышеперечисленное.

Наблюдения за современными детьми позволили мне убедиться, что одностороннее воспитание губит характер и личность ребенка. Дети, воспитанные «по Спокку» (т.е. без порицания, негативных примеров и т.д.), как правило, вырастают слабохарактерными, себялюбивыми, безынициативными, истеричными, асоциальными, же-

стокими и т.п. Грубо говоря, такие дети совершенно не приспособлены к жизни вне «материнского крыла». Но, к тому же эффекту приводит переизбыток «чернухи». Если родители, в силу неформального мировоззрения или приверженности моде, предпочитают оптово загружать сознание ребенка «психоделикой» или «готикой», или же сказками про «черную руку», они рискуют получить на выходе столь же жестокий, себялюбивый, асоциальный элемент, что и фанаты Спока.

Сюжеты сказки и ее аллегории **ОБЯЗАНЫ** отражать реальную жизнь со всеми ее сторонами (пусть даже и с теми, которые родители лично от себя хотели бы отдалить). Ибо стоит помнить, что, пока отживающая родня рассказывает, слушающему их дитяти еще предстоит жить.

Второй этап детства у славян заканчивался лет в пять, когда ребенок становился человеком с уже полностью сложившимся в систему мировоззрением. Будущий опыт и взросление способны лишь дополнить ее. Изменить же эту систему под силам лишь очень сильным потрясением.

Переход в третью фазу детства наши предки обставляли обрядами: дети уже не носили одинаковые прически и перешитую со взрослой рубаху, теперь им давали одежду (с бережной детской вышивкой), которая копировала взрослую, а волосы либо стригли под горшок, если дело касалось мальчиков, либо заплетали в косу, если речь шла о девочках. Готовили и к будущим трудам: мальчика торжественно сажали на коня и с того момента стара-

лись приобщать к мужским работам, а девочка сплетала из пряжи первую нить (которой опоясывалась на своей свадьбе спустя десять лет) и начинала помогать по дому.

Завершался третий этап отрочеством в 8 –12 лет. И снова не обходилось без обрядов: получение «взрослого» имени взамен «обережного» детского, новой одежды (уже с вышивкой, характерной для человека со статусом взрослого), инструментов или снастей, необходимых для «мужского» или «женского» труда.

Детская сказка, учившая человека жизни вплоть до этого момента, уступает свое место сказке отроческой. Но о ней будет рассказано дальше.

Ну, а сейчас перед вами лежит цикл моих сказок.

Любой цикл – это дорога. Дорога, по которой должен пройти маленький человек, чтобы в конце ее стать иным – более взрослым, сильным и мудрым. Алексей Ремизов назвал эту цель в конце Пути Морем-Океаном. И совсем не важно, что этот Океан из себя представляет – кладь чудес, море, взрослую жизнь или собственную душу. Несмотря на точное его описание в сказках Ремизова, у каждого Море-Океан – свой. Два с половиной десятка лет назад, я отправился в дорогу вместе с героями сказок Алексея Михайловича. Спустя еще несколько лет, я понял, что именно этот путь привел меня к язычеству. И вот, уже больше двадцати лет я езжу по музеям самых разных стран, хожу в походы, пишу живые стихи и скучные взрослые книги, воспитываю сына, справляю обряды... И осознаю, что, коснувшись тогда Моря-Океана, я еще не

раз буду к нему возвращаться. Самыми разными дорогами. Разными потому, что пройденные пути закрыты для человека навсегда.

В начале цикла «К Морю-Океану» Ремизов устами кота Котофея наставлял героев перед дорогой:

«— Все дороги ведут к Морю-Океану, — сказал Котофей Котофеич, одоблив Козы науку, — но есть три главных пути: первый путь лежит волшебными странами, второй путь лежит широкими реками, третий путь лежит темными лесами, болотами, полями и речками.

— Мы пойдем волшебными странами!

— Ну вот, так я и знал, — Кот с досады заходил по башне и закурлыкал жалобно, — нет, невозможно, так вы пропадете. Первые два пути для вас закрыты: чтобы идти волшебными странами, надо уметь ходить широкими реками, а до широких рек надо пройти еще долгий путь, и без меня вам одним не справиться. Остается третий путь, по которому вы и отправляйтесь.»

Вместе с героями сказок я прошел темными лесами. Это был путь, по которому мог вести Алексей Михайлович. Для меня он теперь закрыт. Тем же, для кого я стал проводником, укажу другую дорогу — широкими реками. Реками, связующими самые разные уголки нашей земли. Реками, чьи потоки соединяют настоящее с прошлым. Теми самыми реками, что всегда впадают в Море-Океан.
(10.10.2011)

На пороге

умит зеленый лес. Тревожно да грозно листья шелестят. Тяжело нынче у леса на его зеленом сердце. Беды ждет.

Зинька-синица море выпить грозилась, да каплей малой подавилась.

Тридцать три ночницы – черных сестрицы разлетались по небу смурыми птицами, ползли к человеческим сердцам белыми червями – то ли сгубить ретивые, то ли об укрытии их просить.

Тревожно...

Небо вечернее наливалось кровавой тучей. Гремят, гуляют в ней грома, молнии-зарницы клинками сверкают. Ни капли дождя.

Вороний глаз в лесу вырос, красовался ягодкой. Волхвогороховая голова углядел, думал – черника. Съел, да представился, дурень.

Птицы по гнездам разлетелись, грудью птенчат укрыли. Щебечут тихо, на кровавое небо поглядывают.

Воронье лишь на мертвом дубу раскаркалось. Не знают птицы черные-о железных-носах – падаль им будет иль самим уж пора перья уносить?

В поле костерок горит. Жарят люди-посидельщики сало с луком, хлеб про запас держат. Дух жареный в небо идет, как рукой держит мертвую тучу.

– Странник-подорожник, что ты в дороге видел?